

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ПОДАРОК
НАСЛЕДНОГО
ПРИНЦА**

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художника *В. Шербакова*

Иллюстрация художника *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Подарок наследного принца / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-106651-2

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове — герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров.

Полковник МВД Гуров расследует дело об аварии автомобильного контейнера на одной из кавказских дорог. Машина перевозила архив сочинского суда, поэтому первая версия следствия — попытка злоумышленников уничтожить важные документы. Однако при тщательном осмотре выяснилось, что архив не пострадал. Что же тогда на самом деле произошло на горном серпантине? Гуров теряется в догадках, пока не встречает человека, который сообщает сыщику, что эта авария — часть хитроумного плана, задуманного ради грандиозного хищения международного масштаба...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106651-2

© Макеев А.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

**Подарок
наследного принца**

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Кто участвовал в переездах — на новую квартиру или в новый офис, — тот знает, что все эти хлопоты сродни пожару и без потерь тут не обойтись. Что-то уронили при погрузке, что-то во время транспортировки разбилось, а что-то вообще забыли захватить или отвезли не туда, куда нужно. В приличной семье за сборы всегда отвечает жена, за транспорт и грузчиков — муж. А вот в крупной компании, в серьезном учреждении обязательно имеется административно-хозяйственная служба. Она существует почти незаметно, ее другие сотрудники офисов не особенно и видят, но все работает, лампочки меняются, стены красятся, плитка обновляется. АХО в хорошей компании — это, если говорить образно, и папа, и мама. А иногда и добрая бабушка.

Правда, не многие знают, каково самой этой службе все успевать, все помнить, быть ко всему готовой. Начальник административно-хозяйственного отдела сочинского суда Алексей Владимирович Моксин был из тех руководителей, которые считают, что, если хочешь, чтобы работа была выполнена хорошо, сделай все сам. Не самый эффективный способ руководства подразделением, но Моксин как-то все успевал. Созванивался, договаривался, приезжал лично и выбирал строительные материалы, оборудование для офисных помещений и рабочих кабинетов. Лично присутствовал при вывозе строительного мусора или починке мебели в зале судебных заседаний.

Но такое масштабное мероприятие, как переезд части суда в новое помещение, проконтролировать одному крайне сложно, и Моксину пришлось волей-неволей делегировать часть работы и ответственности своему помощнику Игорю Валовику. Каково же было удивление Алексея Владимировича, когда он увидел в коридоре два несгораемых шкафа с архивными делами под номерами «214» и «221».

— Игорь! Это что такое? — Голос Моксина из громогласного превратился в шипящий, да еще с каким-то зловещим присвистом. — Я спрашиваю, это что такое?

Валовик, в расстегнутой до пула рубашке и с грязными ладонями, подбежал с виноватым видом к начальнику и начал оправдываться:

— Алексей Владимирович! Рабочие не погрузили. Я пока контролировал погрузку стеклянного стола, они забыли про эти сейфы.

— Игорь, когда ты поймешь, что в современном мире ценится не работа, а конечный результат? — зло бросил Моксин. — Кого интересует, что ты хотел и о чем ты думал. Ты не сделал, вот что главное. Я тебя просил лично, понимаешь, лично проследить!

— Ну, может, на завтра машину вызовем?

— Какое на завтра! Завтра здесь будут люди ходить, работа начнется, а у нас два сейфа на дороге торчат, да еще и с документацией, с судебными делами!

— Вон, машина еще не ушла, — с радостным блеском в глазах ткнул пальцем Валовик в сторону «КамАЗа».

— А почему она здесь стоит? — удивился Моксин, но потом махнул рукой. Сейчас было важно другое.

Подойдя к водителю, который проверял какие-то шланги, откинув кабину машины, Алексей Владимирович поинтересовался:

— А ты чего пустой стоишь? Ты что сегодня возил?

— Я ходку сделал, а потом у меня через штуцер масло стало гнать. Вот пока заменил, пока туда-сюда. Уже уезжаю. Нас до четырех прислали, в пять я должен быть в гараже.

— Подожди! — оборвал водителя Моксин и полез в карман за телефоном.

Набирая номер, он обошел машину, заглянул в пустой металлический фургон, двери которого были открыты настежь. Привычка решать все быстро и эффективно сделала свое дело. И связи, наработанные за столько лет, тоже играли большую роль.

— Сан Саныч! — торопливо заговорил в трубку телефона Моксин, обрадовавшись, что заместитель директора транспортной компании взял трубку так быстро. — Вопрос на один час, Сан Саныч. Одну ходку еще, к тому же и машина пустая под загрузкой, разреши задержать ее на часок. Чуть-чуть не успели все перевезти.

— Ну как вы там планируете? — спросил собеседник, скорее для порядка, чем действительно возмущаясь этой просьбой. — Ладно, ты, Алексей Владимирович, сам проконтролируй, чтобы за час уложиться. Ну, и с водителем там реши, накинь ему от щедрот лично на карман. Я тоже, знаешь, не могу нарушать законодательство и заставлять их работать сверх лимита времени. Дай ему трубку.

Моксин протянул трубку водителю, а сам демонстративно полез в карман и достал бумажник. Он слышал, как заместитель директора говорил:

— Захарченко, ты еще один рейс сделай. Тебя там, на месте, премируют, а в гараже я предупрежу, что ты по делу задержался. Понял?

Четыре часа утра — это еще утренние сумерки. Солнце где-то за вершинами Большого Кавказского хребта готовится подняться и осветить серпантин, который то появляется на открытых участках, то теряется за кронами деревьев. Дорога Туапсе — Майкоп очень удобна для тех, кто хочет сократить путь к морю. Но не везде она в хорошем состоянии. Есть здесь участки со щебенчатым покрытием, отчаянно пылящим под колесами. Есть участки, где дорожное полотно не огорожено, и приходится ехать по краю пропасти. Нет, это не зловещая пропасть,

которая рисуется в воображении неискушенного человека, не обрывистый провал в скалах. Здесь это даже красиво, когда по крутому склону вниз спускается лес. Густой, прохладный, наполненный птичьим пением.

Андрей Борисов вел машину осторожно, радуясь, что нет встречных машин, что никто не пылит в лицо. Жена мирно дремала на пассажирском сиденье, иногда открывая глаза и бросая сонный взгляд на окружающую зелень, и снова закрывала их со сладким томным вздохом. Еще несколько часов — и море!

Выданные с корнем деревья топорщили в серых утренних сумерках корявые грязные скрюченные пальцы, белеющая поломанная древесина была похожа на обнаженные кости. Широкая борозда содранной травы и вывороченных камней, уходящая вниз, сразу бросилась в глаза водителю. Тихо выругавшись, он затормозил, а потом совсем остановил свою машину, заглушив двигатель.

— Что, Андрюша? — открыв глаза, непонимающе посмотрела на Борисова жена, а потом села на сиденье прямо, увидев, что он вышел из машины и пошел вперед по дороге. Теперь и она увидела след.

Андрей вернулся в кабину и схватил с приборной панели мобильный телефон.

— Сиди здесь! — коротко и властно сказал он ей.

— А что там, Андрей? — Катя уже заранее испугалась ответа мужа. Это было страшно — ехать на море, испытывать такие приятные эмоции и вдруг столкнуться с чьей-то бедой.

— Машина сорвалась вниз. Сиди здесь!

Когда дежурный управления внутренних дел услышал сообщения с перевала, он еле слышно выругался, потом попросил:

— Вы можете побыть там минут десять? Я сейчас отправлю к вам наряд.

Через пятнадцать минут к месту аварии подъехали три полицейских машины. Борисова быстро допросили, но сделано это было для порядка, а не потому, что он мог сообщить какие-то важные сведения. Ехал, увидел, ни-

каких следов, никаких других машин. Свидетелем аварии не был, звуков не слышал. А еще через пять минут прибыл микроавтобус с бригадой МЧС.

— Кто здесь старший от районного УВД? — спросил эмчезовец, глянув вниз, и тут же представился: — Старший лейтенант Павлов. Краевой спасотряд.

К нему подошел майор с повязкой оперативного дежурного на руке и хмуро спросил:

— У вас снаряжение с собой?

— Снаряжение? — Павлов сдвинул на затылок мягкую форменную фуражку. — Снаряжение-то есть, только быстро спуститься не получится. Тут и так заросли, как на Амазонке, да еще грузовик натворил дел.

— Там может быть раненый человек, — напомнил майор.

— Да знаю я, знаю! — тоже нахмурился Павлов и, повернувшись к своей машине, крикнул: — Парни, доставьте снаряжение! Сашка, «птичку» свою давай!

Через несколько минут в воздух поднялся квадрокоптер с камерой и медленно пошел в ущелье, зависая над особенно сложными участками предстоящего спуска. Старший лейтенант с оператором смотрели на экран монитора, обсуждая детали. Еще минута, и квадрокоптер завис над смятой кабиной «КамАЗа», едва не задевая ветки деревьев. Как ни пытался оператор подвести его ближе, чтобы увидеть, что там, в кабине, ничего не получалось.

А еще через пятнадцать минут начался спуск. Оперативный дежурный, убедившись, что в данном случае не поможет даже вертолет, уехал к себе. На месте остались два экипажа ГИБДД, которые регулировали движение, пропуская на узком участке машины то в одну сторону, то в другую. Движение стало плотнее, пошли большегрузные машины. Водители хмуро поглядывали из кабин на изуродованный склон.

Прошло больше двух часов, прежде чем Павлов со своим помощником спустились, наконец, на дно ущелья. Здесь было много камней и открытых участков, усыпанных мелким щебнем. Почти не было кустарника.

Старший лейтенант, освободившись от тормозного механизма на веревке, бросился к кабине машины. Железо было смято на одну сторону, ни одного целого стекла. Но больше всего настораживало обилие крови. Павлов лег на камни и стал протискивать руку в кабину через искореженный проем лобового стекла. Судя по всему, водитель лежал на боку, головой на пассажирском сиденье.

— Ну что? — спросил сидевший рядом на корточках помощник.

— Температура низкая. Скорее всего, он мертв, — с кряхтением ответил Павлов. — Сейчас доберусь до шеи, до артерии... Крови до хрена... Пульса нет...

Когда старший лейтенант поднялся на ноги, правая рука у него была по локоть в крови.левой рукой он вытащил из нагрудного кармана рацию и передал наверх результаты обследования и регистрационный номер автомашины. Ему ответили, что «Скорая помощь» прибыла и будет ждать окончательной информации. Спасатели натянули вторую веревку выше по склону на высоте пары метров над дном ущелья и закрепили ее конец на противоположной стороне. Сверху стали спускать инструмент для резки металла.

Через час удалось срезать крышу машины. Павлов ощупал карманы погибшего, вытащил бумажник и стал диктовать по рации:

— Водительское удостоверение на имя Захарченко Павла Петровича. Регистрационное свидетельство на автомашину. Банковская карточка на имя Захарченко. Передайте сведения полиции. Спускайте «лежак», будем поднимать тело. Что? Нет, он был в кабине один.

Когда тело подняли наверх, оперативно-следственная группа начала свою работу. Подъехавшего представителя транспортной компании посадили в машину, где молоденькая девушка-дознаватель начала допрос:

— Скажите, Александр Александрович, водитель Захарченко выполнял рейс по вашему заданию?

Грузный мужчина с бритым гладким черепом вытирал голову платком и все вытягивал шею, пытаясь увидеть, что делают криминалисты на дороге.

— Машина была направлена по договору в сочинский суд для перевозки мебели. Они там не уложились по времени и попросили одну машину задержать на час. Я разрешил. А утром узнал, что Захарченко не вернулся в тот вечер в гараж.

— Вам не сообщили сразу о том, что одна машина не вернулась? — удивилась дознаватель.

— Ну, это излишние строгости, — поморщился представитель компании. — Фактически водители обязаны прибывать в гараж и делать отметку о времени прибытия, километраже, расходе горючего, но все это можно сделать и утром. После тяжелого рейса водитель устал, а ему нужно гнать машину в гараж, а потом возвращаться домой ночью за полсотни километров, поэтому мы часто разрешаем своим ребятам в некоторых случаях ночевать дома, а утром возвращаться.

— И что, никто не заинтересовался, что машины уже двое суток нет в гараже?

— Заинтересовался, — со вздохом ответил мужчина. — Мы уже обзвонили и родственников, и знакомых Захарченко. И в суд звонили, искали их представителя, который с машиной должен был ехать. Точнее, поехал, но его тоже не могут найти. Короче, мы сегодня утром намеревались официально заявление в полицию подавать об исчезновении машины и водителя. Но вот... нашли ее быстрее и без нас.

Лев Иванович Гуров отложил в сторону электробритву и осмотрел в зеркале свое лицо. Порядок! Он терпеть не мог, когда утром едешь на работу, когда впереди напряженный день, а тебя что-то отвлекает или даже раздражает — щетина на лице, несвежая рубашка, забытый дома телефон. Мысли были привычные, но далекие от действительности. Полковник Гуров давно работал в этом ритме, давно приучил себя к порядку и соблюдению определенных правил. Без них выдержать нагрузки его профессии оперативника уголовного розыска довольно сложно. И не важно, что ты уже не старший опер-

уполномоченный МУРа, а сотрудник центрального аппарата уголовного розыска МВД. Работы хватает и напряжения тоже. Просто это уже другой уровень проблем и ответственности. А приезд на работу небритым и в не свежей рубашке — это что-то уже из области фантастики или очень далекой лейтенантской молодости, когда, собственно, и мобильных телефонов еще не было.

Маша подошла неслышно, постояла за спиной мужа, а потом прижалась щекой к его плечу.

— Ну, вот, — сказала она, — опять все наши планы полетели в тартарары.

— Не переживай ты так, — улыбнулся Лев Иванович и слегка похлопал жену по руке. — Не получилось в этом году, получится в следующем. Разве они куда-нибудь денутся, эти Эмираты? И они останутся на своем месте, и горячий песок, и море тоже не утечет в другое место.

— Не море, а Персидский залив, — поправила его Маша и вздохнула: — Я все понимаю. Просто трудно смириться с мыслью, что поездка сорвалась, когда ты так настроена была, готовилась.

— Вот вернется твоя Виола оттуда, — пообещал Гуров, — привезет кучу фотографий, впечатлений и рассказов, и сразу возникнет ощущение, что мы там тоже с ней побывали.

— Ага, — засмеялась Мария, — если не мы в Эмираты, то хотя бы Эмираты к нам! Ладно, полковник, я не хандрю, я привыкла. Когда будет возможность, тогда и махнем!

Она провела рукой по гладко выбритой щеке мужа, потом притянула его голову к себе и прижалась теплыми губами к уголку его губ. Гуров очень любил этот ее жест, а Маша просто обожала свежевыбритые щеки мужа.

— Ну, ладно, полковник, тебе пора на работу, а мне готовиться к спектаклю. Виола отдыхает, а мне играть ее роли.

Они посмотрели друг другу в глаза. Это был как ритуал, сложившийся годами. Один взгляд, внимательный. Все хорошо? — Все хорошо! И тогда можно спокойно

ехать на работу, и Маша может спокойно погружаться в свое творчество. А потом будет вечер, тишина их любимой уютной кухни и стол под абажуром. И вечерний чай, и тихий разговор о том, как прошел день, или ни о чем, просто разговор. И понимание, что все хорошо, что на душе спокойно. Это нужно было обоим. Понимание, что на душе мир и покой, что дом и вот этот абажур — незыблемое, центр их мира, то, что их объединяет. И тогда можно жить, работать, решать проблемы, сталкиваться со злом и бедами, но знать, что будет вечер, будет абажур и чай перед сном. И любимые глаза напротив.

Утренняя оперативка была отменена. Гуров посмотрел на часы, потом на широкую спину Крячко возле сейфа и предложил:

— А давай-ка еще по чашечке кофе?

— Давай, — согласился Станислав. — Эта погода сегодня навевает тоску и клонит в сон. Прошел бы уж приличный дождь, вымыл бы улицы, а потом снова солнце и голубое небо. А то ни туда ни сюда. Хмурится, давит на психику.

— Вот не знал, что у тебя психика такая нежная, — засмеялся Лев и пошел к столику в углу их кабинета готовить кофе. — Столько лет с тобой работаю бок о бок и всегда думал, что ты — кремень, скала.

— Тсс... — Крячко обернулся и опасливо посмотрел по сторонам. — Ты только никому не говори! А то еще узнают, что у меня нежная трепетная душа, что я по ночам стихи пишу, а поутру нюхаю цветы на лоджии.

Зазвонивший на столе внутренний телефон заставил замолчать обоих. Как-то вдруг стало понятно, что шуткам придется подождать. А возможно, и кофе тоже. Крячко поднял трубку, послушал и, отключившись, развел руками:

— Все. Попили. Орлов вызывает.

— Ну, пошли, — пожал плечами Лев и поставил на стол банку с кофе.

— Он тебя одного вызывает.